

ДОМ ДЛЯ НОМАДЫ

Ольга Бредникова, Ольга Ткач

Ольга Бредникова – социолог, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. Адрес электронной почты: bred8@yandex.ru.

Ольга Ткач – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. Адрес электронной почты: tkach@indepsores.spb.ru.

...в этом мире мы – иностранцы с видом на жительство. Постоянного места жительства у нас нет нигде. Для нас не существует границы, чужой страны, но и на родине мы всего лишь гости.

Лико Айер. Жизнь транзитного пассажира

Черепаша всех смешит, потому что не спешит.
А куда спешить тому, кто всегда в своем доме?

Борис Заходер. Черепаша

Тема данной статьи родилась неожиданно, она выросла из «речевых сбоев» в разговорах с нашими информантами. Исследуя жизнь трудовых мигранток, торгующих на рынках Петербурга, мы часами простаивали рядом с прилавками, и в моменты, когда не было покупателей, вели с ними беседы. Мы обсуждали разные темы: метаморфозы питерской погоды, характер покупателей, жилищные проблемы в городе и то, каково это – «быть мигранткой». Как обычно бывает в разговорах, наши собеседницы, обращаясь к собственному опыту, то и дело говорили: «Вот у меня было...», «А у нас...» и т.п. И оказалось, что смысл этих простых фраз не всегда очевиден, они требовали постоянного уточнения или «заземления» – *здесь, там, раньше, на предыдущей квартире, до переезда в Петербург* и т.д. Особую путаницу привносили фразы вроде «у нас дома...», так как не всегда из контекста беседы было понятно: «дома» – это где? Этот вопрос, регулярно возникавший в ходе разговоров, для нас в конечном счете превратился в исследовательский: где находится Дом мигранта, каков он и, более широко, что такое Дом мигранта, что он означает, какими смыслами и социальными значениями наделяется?

Меняя место проживания, мигранты не просто перемещаются из одного населенного пункта в другой, но перекраивают жизненное пространство и значи-

тельно расширяют пределы своей повседневности. В современной социологии мигранты определяются уже как трансмигранты, ибо «развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы» (Glick Schiller, Bash, and Blanc-Szanton 1992: ix; а также см. Glick Schiller, Bash, and Blanc-Szanton 1999). Они живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со-) общество. Социальные сети мигрантов создают особые диффузные и зачастую децентрализованные социальные пространства, в рамках которых значительно трансформируются представления о том, что такое Дом. Ситуация трансмиграции актуализирует следующие вопросы: «переезжает» ли Дом вслед за мигрантом, или же он «множится»? какими смыслами и символическими значениями он наделяется в новых контекстах?

В фокусе данного исследования – женщины, приехавшие из постсоветских государств в Санкт-Петербург в поисках работы. До недавнего времени в большинстве случаев трудовая миграция в Россию была преимущественно мужской. Так, согласно данным Рыбаковского и Рязанцева, «мужчины составляют около 90% всех мигрантов, прибывающих в Россию из ряда бывших советских республик, Китая и Вьетнама» (Rybakovsky and Ryazantsev 2005). Подобный гендерный «перекос» был связан в первую очередь с традиционным распределением гендерных ролей. Мужчина, ответственный за семью, вынужден «рисковать» и предпринимать какие-то активные шаги для улучшения экономической ситуации, поэтому он решается на миграцию. Однако в последнее время, согласно нашим исследованиям 2009–2010 годов, доля женщин среди трудовых мигрантов значительно возросла (Бредникова и Чикадзе 2010). Такие изменения в структуре миграций вызваны изменениями законодательства и рыночной конъюнктуры.

Как показывают исследования мигрантской/этнической экономики (Waldinger 1986), традиционной экономической нишей для мигрантов являются различные формы мелкого предпринимательства. Долгое время основными сферами деятельности трудовых мигрантов в Петербурге, как, впрочем, и во многих других российских городах, были строительство и розничная или мелкооптовая торговля. Однако ныне эти ниши оказались несколько размытыми: многие стройки по причине экономического кризиса были заморожены, а иностранцам – негражданам России – запрещено работать в сфере мелкой розничной торговли¹. Вместе с тем изменение миграционного законодательства, в частности, упрощение процедуры получения разрешения на работу, открыло мигрантам новые возможности трудоу-

¹ Федеральный закон «О розничных рынках и внесении изменений в трудовой кодекс Российской Федерации», вступивший в силу 15 января 2007 года. Статья 25, в частности, требует «приведения общего количества работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства, в соответствии с допустимой долей таких работников, установленной Правительством Российской Федерации для работодателей, осуществляющих на территории Российской Федерации определенные виды экономической деятельности» (Российская газета. № 1. 10.01.2007). Бывшим торговцам-мигрантам, не имеющим российского гражданства, приходится либо менять сферу деятельности, либо уходить «в тень» – находить «лазейки» в правовых актах, искать пути получения гражданства или же нарушать закон.

стройства, позволило занять новые профессиональные ниши. Сегодня мигранты работают не только торговцами, строителями и таксистами, но также дворниками и уборщиками. Они востребованы в сфере обслуживания (в моллах, супермаркетах, кафе) и в сфере наемного домашнего труда. При этом рынок диктует спрос не только и не столько на неквалифицированный мужской, сколько на «традиционно» женский труд, что в итоге значительно увеличивает женскую миграцию.

Мигрантки, за редким исключением², остаются за рамками научной рефлексии. Большинство российских публикаций на эту тему гендерно нечувствительны, однако имплицитно они сфокусированы исключительно на мужской миграции. Нам же представляется крайне интересным исследовать именно женскую трудовую миграцию³. В 1994 году Розы Брайдотти, размышляя о новых возможностях современных женщин в глобальном мире, назвала право на мобильность их «ключительным достижением»:

Мобильность – это один из аспектов свободы, и она является чем-то новым и захватывающим для женщин. Быть свободной для перемещения, ехать, куда хочется, не будучи наказанной за это психологически или физически, – это право, которое женщины лишь только начали обретать. [...] кроме того, мобильность связана со свободой изобретения новых способов управления собственной жизнью, новых, более адекватных схем саморепрезентации (Braidotti 1994: 256).

Для женщин из постсоветских государств мобильность, миграция оказывается радикальным опытом независимости, в определенном смысле стихийным феминистским проектом. В их биографических нарративах и в разговорах об опыте миграции постоянно звучат мотивы освобождения – будь это свобода от тирании в семье, финансовая свобода или свобода самостоятельно принимать решения. Исследование освоения и присвоения мигрантками новых мест, переструктурирования пространства их жизни, создания нового местожительства и нового Дома

² Например, монографии о женской трудовой миграции в России (Бритвина и Киблицкая 2004; Тюрюканова и Малышева 2001).

³ Несколько предварительных замечаний об исследованиях, материалы которых используются в статье. Наши исследования проводились в рамках качественного подхода с применением методов участвующего наблюдения и серии глубинных интервью-бесед. Фактически исследование проводилось в два этапа: в 2005–2006 и в 2009–2011 годах. Основными информантами / исследовательскими кейсами стали восемь женщин, прибывших в Петербург из постсоветских республик в качестве гастарбайтеров. Информанты – это женщины от 30 до 55 лет, работающие продавщицами и уборщицами. Стаж миграции – не менее трех лет.

Проекты «Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов?» (финансирование фонда MacArthur, 06.2002–08.2004); «Концепция “дома” и практики его строительства в ситуации миграции (на примере женщин-мигранток Санкт-Петербурга)» (финансирование Фонда им. Г. Белля, 03.2005–09.2006); «Трудовая миграция из Средней Азии: риски здоровья» (поддержан Датской Церковной помощью, 2009–2010). Последнее исследование проводилось вместе с Еленой Чикадзе. Авторы статьи благодарны ей за интересные полевые наблюдения и совместные обсуждения.

представляется особенно интересным, так как именно женщинам традиционно приписывалась привязанность к дому, что значительно проблематизируется самой ситуацией миграции.

ФОКУСИРОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОПТИКИ

Дом, точнее его концептуализацию, можно представить как некий перекресток или же «пункт сбора» самых разных социальных дисциплин. Так, его исследованием занимаются социология, антропология, психология среды (энвайронментальная психология), социальная и культурная географии, история, социальные исследования архитектуры и дизайна и т.д. Изучается структурирование и организация пространства Дома, формирование приватности, производство идентичностей, конструирование территорий, феномены миграций, национализма, социальной структуры, потребления и прочего. В нашей статье мы сфокусируемся на исследовании Дома в ситуации географической мобильности и миграции. До 70–80-х годов XX века в области исследований Дома господствовал так называемый седентаристский подход, принимающий оседлость за норму. В рамках этого подхода Дом понимался как «стабильный центр вселенной – безопасное и спокойное место жизни [...], а также как основной фокус заботы и контроля домочадцев. Дом как домохозяйство, домашняя среда (home) здесь синонимичен дому как жилищу, зданию (house)» (Rapport and Dawson 1998a: 6). У данного направления обнаруживается два интеллектуальных источника: классические антропологические исследования семьи, родства и жилища в инокультурных средах и социологические исследования домашнего пространства «близких исследователю культур», а именно – европейской и американской культуры среднего класса. Труды антропологов показывают, что дом является материальным отражением идентичностей и ценностей населяющих его людей, что его расположение и внутреннее устройство воплощают и в то же время структурируют социальные отношения домочадцев (Бурдые 2001; Bloch 1971; Lévi-Strauss 1983; см. также Marcus 1995; Cieraad 1999). В социологических исследованиях также доминирует представление о Доме как о локализованном и закрепленном месте, в котором сосуществуют люди и вещи (Herworth 1999; Langhamer 2005). Дом в данном случае понимается как пространство безопасности, защищенности, постоянства, стабильности, уникальности и представляет собой ценность для наследников. Исследователи уделяют большое внимание взаимосвязи материальной культуры жилища и культуры приватности в отношениях домочадцев (Home Possessions 2001)⁴. Внешний облик жилища, его интерьер, дизайн и вещная среда символизируют социальный статус его обладателей. Исходя из подобных представлений, такие явления как географическая мобильность, массовая культура, стандартная застройка и т.д., разрушают

⁴ В современной российской социологии данное направление развивается, в частности, в исследованиях особенностей организации приватного пространства в семьях среднего класса (Гладарев и Цинман 2009; Шпаковская 2009; Андреева 2009). Дэвид Хекман продолжает антропологическую и социологическую традицию исследования стабильной жизни в материальном мире дома на примере изучения феномена так называемого «умного дома», ставшего популярным в эпоху хай-тек (Heckman 2008).

особую привязанность к месту, отношение с ним, порождают чувство бездомности (Cuba and Hummon 1993: 550). Потеря дома грозит не только материальными лишениями, но и разрушением привычной семейной среды, атмосферы приватности, ощущения предсказуемости жизни.

Со временем исследование Дома «выходят» за пределы жилища и расширяются до соседства и сообщества, вплоть до региональной идентичности (Heasman 1978). Кроме того, меняется исследовательская оптика, значимой становится феноменологическая перспектива изучения так называемой идентификации с местом (place identity). Места понимаются не просто как «элементы изначально заданной пространственной структуры, детерминирующей человеческую активность извне, но скорее как социальные по своей природе, социально производимые и воспроизводимые» (Urry 1995: 66). Исследователи, разрабатывающие данную концепцию, предлагают рассматривать два аспекта идентификации с местом – чувственный (эмоциональная связь с местом и его обитателями) и практический (опыт людей, повседневные практики, которые описывают нахождение человека в определенной локальности как дома; а также различные смыслы, которыми наполняется связь с местом).

Таким образом, под Домом начинают понимать не физическое место, но «рутинный набор практик, повторение привычных социальных интеракций», а предметом для его изучения становится «не жилище, а история жизни человека» (Rapport and Dawson 1998b: 27)⁵. В связи с этим определенную динамику в исследовании Дома внесла поколенческая перспектива, исходя из которой принадлежность к месту связана со стадией жизненного цикла (см. Cuba et al. 1993). Оказалось, что «идентификация с местом» может изменяться, например, в связи с покупкой новой квартиры, продажей фамильного дома, замужеством, переездом и проч. Заметим, что речь здесь идет не столько о смене парадигмы «идентификации с местом» в современном мире, сколько об увеличении разнообразия этих парадигм, их чувствительности к классовым, гендерным, этническим различиям, специфике образа жизни и биографических сценариев. Исследователи начинают признавать, что идентификация с Домом комплексна и контекстуальна, включает символический и социальный аспекты повседневности.

Новые глобальные изменения ознаменовали переход от идеологии «объединяющих мест» к теории индивидов и групп, проникающих в места и населяющих их. Исследователей заинтересовал вопрос: если Дом – это не стены, а конструирующие его практики, эмоции и смыслы, то как они изменяются у тех, кто в силу разных причин лишен стабильного дома – мигрантов, беженцев, переселенцев, бездомных, гастарбайтеров, путешественников?

Почти до 80-х годов XX века классический седентаристский подход доминировал, и под миграцией понималось разовое перемещение из места происхождения в место пребывания, при этом предполагалось, что ситуация переезда драматически сказывается на идентичности мигранта, который, вероятнее всего,

⁵ Концепцию дома как биографического нарратива предложил еще в 1970-х годах Питер Бергер с коллегами (Berger, Berger, and Kellner 1973).

переживает тяжелый эмоциональный опыт и чувство «лишенности места» (*displacement*) (Cuba et al. 1993: 550). Столкнувшись со сложностью определения Дома, его многозначностью в эпоху глобальных международных миграций, исследователи начинают говорить о «кризисе дома» (Armbuster 2002: 17–33) и фокусироваться в основном на жизни и проблемах мигрантов в принимающем сообществе, способах их интеграции и ассимиляции (Pries 1999: 20–24)⁶.

К началу 1990-х годов обретает жизнеспособность, становится видимым и влиятельным постнациональное, антиседентаристское (читай: номадическое) направление исследований, основанное на концепциях глобализации, транснационализма, трансграничности, потоков, с которыми работают современные социологи и антропологи трансмиграции. Переезд перестал означать потерю дома, напротив, дом, как пишет Карен Олвиг, конструируется именно в процессе перемещения (Olwig 1998: 225–236)⁷. Он концептуализируется уже не как статичное место, но как динамический процесс, включающий воображение, создание, уничтожение, изменение, потерю и перемещение дома. Принципиальным стало представление о Доме как о мультилокальном, ситуативном, подвижном, противоречивом и текучем⁸. Надо ли уточнять, что в такой ситуации Дом как жилище (*house*) и как домашняя среда, атмосфера (*home*) могут не совпадать. Внутри семьи образуются транслокальные связи, когда родственники оказываются разбросанными по разным частям света. Для многих транснациональных мигрантов жизнь в двух странах означает постоянное балансирование между обязательствами перед детьми и другими родственниками, живущими в разных странах, а также стремление состоять в глазах как отправляющего, так и принимающего сообществ (см.: *The Transnational Family* 2002; Salih 2003). Изучение транснациональных семей особенно активно развивается в связи с феминизацией международной трудовой

⁶ Изучение диаспор расширило представление о миграционных процессах: предполагается, что мигранты, образующие диаспору, находятся в принимающем сообществе как бы в двух пространствах одновременно – в «своем» этническом окружении и в окружении местных жителей. Под Домом мигранта начинает подразумеваться не только физическое место жительства или убежища, но он также связывается и с «семьей», «сообществом» и «родиной/нацией» (Al-Ali and Koser. 2002: 6).

⁷ Концепция движения стала фундаментальной для современной идентичности, а опыт неместа (вне «территории» и «общества») – значимым компонентом повседневного существования и вызовом ему (Rapport et al. 1998a: 6).

⁸ Антиседентаристский подход актуализировал целый ряд важных вопросов о социальном конструировании идентичности в XXI веке, однако далеко не все, что предлагается этим подходом, находит подтверждение применительно к ссыльным, беженцами или людям, живущим в диаспоре. Их истории повествуют о страданиях, связанных с опытом насильственного перемещения, показывая, что в современном мире гражданство, национальная принадлежность и границы национальных государств продолжают играть огромную роль (Улинг 2007: 242). Критичные исследователи, пытаясь избежать генерализаций, учитывают, что концепции дома могут варьироваться от одной группы мигрантов или беженцев к другой или в рамках одной группы, а также изменяться с течением времени (Al-Ali et al. 2002: 6). Как отмечают социологи Ли Куба и Дэвид Хаммон, «различные модели мобильности ассоциируются с разнообразными пространственными идентичностями» (Cuba et al. 1993: 569).

миграции, формированием глобальной цепочки заботы и наемного домашнего труда, связанного с переопределением представлений о домашнем пространстве, семейной заботе и близости⁹.

Исследователи миграций конца 1990-х – начала 2000-х годов пытаются объединить ассимиляционный и транснациональный подходы и более гибко подойти к изучению повседневности трансмигрантов. Например, социолог Эва Моравска (Morawska 2005), анализируя ключевые современные концепции исследования миграций¹⁰, утверждает, что один подход вовсе не исключает другого. Положение мигранта в географическом, социоэкономическом и культурном пространствах определяют и ассимиляционные, и транснациональные процессы одновременно (там же: 224).

Современная дискуссия о мигрантском Доме также ведется в логике «ассимиляции – транснационализма». Остановимся здесь на двух связанных между собой темах: 1) относительность и вариативность восприятия Дома у трансмигрантов, сохраняющих связь с отправляющим сообществом; 2) перемещение номадического Дома мигрантов в принимающем сообществе.

В рамках первой темы актуализируется еще один аспект концепции Дома : место исхода или родина (homeland). Включенность мигранта в ту или иную транснациональную сеть, как правило, определяется поделенной идентификацией с местом исхода, то есть «понятие “родина” выступает в качестве шифра принадлежности» (Улинг 2007: 434). Способы взаимодействия с родиной и отношение к ней, как правило, связаны с причиной переселения: добровольным переездом, вынужденным перемещением или депортацией, а также со степенью успешности «карьеры» мигранта. Так или иначе, родина – это не просто географический факт, а пространственная репрезентация, созданная под влиянием политических и культурных факторов, это сконструированный и воображаемый топос (Skrbis 1999: 38). Интенсивность взаимодействия представителей диаспоры с местом исхода варьируется и зависит от их темпоральной и пространственной близости друг к другу и/или дистанции от родины (там же: 39). Нередко родина как бывшее место жительства является объектом целенаправленного экономического и эмоционального инвестирования мигранта (Melly 2010). Концепции родины множественны¹¹ и по-разному «уживаются» с концепциями Дома. Трансмигранты неред-

⁹ Обзор литературы по данной теме см. в статье Ольги Ткач «Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта» (2009). Подробный обзор социологических, антропологических и исторических исследований, учитывающих гендерную специфику миграционных процессов, представлен в статье «Gender and Migration Research» (Moch 2005).

¹⁰ Моравска выделяет три взаимосвязанные проблемы, которые привлекают активное внимание исследователей миграций: 1) ассимиляция иммигрантов и их потомков; 2) транснационализация идентичностей и членств иммигрантов и их детей и ее влияние на процесс их приспособления к принимающему обществу и на prerogatives территориально ограниченного национального государства; 3) расово обусловленная (racialized) этничность, или переплетенные этничности и расы с классом и гендером (Morawska 2005: 204).

¹¹ Грета Улинг пишет о «множественных родинах» вынужденных мигрантов (Улинг 2007: 434).

ко имеют дело с оппозицией между родиной (homeland), «живущей» в ностальгических воспоминаниях, мифе о возвращении, приверженностях политическим взглядам и пр., и принимающей страной (hostland) – пространством, требующим больших усилий для интеграции в новое общество, для того, чтобы получить право принадлежности/соответствия ему (Fortier 2000: 163). Однако в повседневности эти процессы не противоречат друг другу. Например, мигранты могут принимать активное участие в национальной политической жизни как в стране происхождения, так и в стране проживания.

Признавая нестабильность мигрантского дома и несомненную символическую ценность его воображаемой составляющей, исследователи продолжают уделять внимание и мигрантскому жилищу как физическому пространству. Концепция дома как жилища выстраивается на двух уровнях. Во-первых, жилище рассматривается как гарантия выживания, поддержания здоровья и разумного уровня комфорта и удобства. Данная проблематика характерна для исследований социальной и жилищной политики в отношении мигрантов (Churchman and Herbert 2000: 143–151). Во-вторых, жилище мыслится с точки зрения императива идентичности, то есть как наполнитель чувств самости, семьи, сообщества и локализации в пространстве и во времени. Эти два уровня значений, пересекаясь и взаимодействуя, остаются неразделимыми. Анализируя практики строительства мигрантами собственных Домов (жилищ) в родном городе и, соответственно, актуализации чувства Дома и связи с оставленной родиной и семьей, антрополог Кэролайн Мелли (Melly 2010) предлагает две концепции формирования Дома у мигранта: обитания, пребывания (dwelling), с одной стороны, и строительства (housing) – с другой. Первая предполагает заселение и проживание в уже существующих, построенных помещениях. Вторая же фокусируется на активности мигранта, его стратегическом планировании и принятии решений, которые основываются на наличии «вещественных объектов, абстрактных надежд, доступных капиталов, человеческих сетей и пространственных ограничений» (там же: 53). Концепция housing подразумевает, что современный дом трансмигранта «строится» им самим, это результат собственных усилий по созданию своего места. Положение «квартиранта» в долгосрочной перспективе имеет тенденцию к смене на статус «собственника».

Итак, фокус исследований Дома со временем сместился от статичного и материализованного жилища к множественному, делокализованному, воплощенному в ситуативных идентичностях Дома. В современной социологии эти подходы существуют: Дом рассматривается и как территориально закрепленный, и как меняющийся. Это и материальный объект, и практики, и эмоции, и смыслы, конструирующие идентичность человека с домом¹². Мигрантский дом, где бы он ни находился, множественен, мобилен и изменчив.

В нашем исследовании мы представим этнографические описания повседневных практик мигранток по «производству дома» и проанализируем их пред-

¹² Блестящий пример современного междисциплинарного исследования дома, включающий различные аспекты его изучения: визуальные репрезентации, локальные, национальные и транснациональные модусы его существования см.: Blunt and Dowling 2006.

ставления, которые формируют множественную концепцию Дома. В рассказах женщин выделяются три уровня или три пространственно расширяющихся и пересекающихся концепций Дома: 1) Дом как жилище; 2) Дом как место жительства, в нашем случае это принимающий город; 3) родина или «Дом, который остался дома». Далее мы более подробно рассмотрим каждую из этих концепций.

ДОМ «В ГОСТЯХ», ИЛИ «ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ»

ДОМ-ЖИЛИЩЕ: ХАРАКТЕРИСТИКИ МИГРАНТСКОГО ДОМА И «ДОМАШНИЕ» ПРАКТИКИ

Концепция мигрантского Дома-жилища определяется, прежде всего, двумя факторами, которые сопряжены со спецификой работы мигрантов: во-первых, нестабильность работы и частая ее смена вызывают частую смену местожительства, во-вторых, напряженный график работы не предполагает длительного присутствия дома.

Все наши информантки, хотя и имеют значительный «миграционный стаж» и приехали в Петербург три и более года назад, не обладают достаточными ресурсами для приобретения жилья в собственность. Мигрантки в одиночку, с семьями или кооперируясь с другими мигрантами снимают комнаты в общежитиях, коммунальных или отдельных квартирах, а также в расселенных домах, то есть фактически в формате сквота. Мигрантский Дом *нестабилен и не укоренен*. Практически все информантки за годы жизни в городе неоднократно меняли съемное жилье. На первых порах оно выполняет лишь функцию «крыши над головой», и минимальная цена – единственное требование к нему. Обычно это комнаты и квартиры, сдаваемые внаем исключительно гастарбайтерам. Как правило, хозяева квартир – так называемые маргинализованные личности или «стихийные» полулегальные предприниматели, не заботящиеся ни об элементарных удобствах, ни о гигиене жилища. Женщины описывали нам (да мы и сами не раз посещали подобные «мигрантские места») ужасающие бытовые условия: в расселенных домах не работает канализация, перебои с электричеством, в комнате живут до десяти человек, при этом все свободные квадратные сантиметры заняты товаром для продажи, например, овощами и зеленью. Однако дальнейшие перемещения и переезды лишь отчасти вызваны желанием улучшить условия жизни и/или получить приватное пространство, переформатировать свой Дом. Женщины чаще рассказывали о том, что переезжали «поближе к месту работы», а проблема тесноты или грязи возникла лишь «во-вторых». Поиск приемлемого жилья затруднен отсутствием официальной регистрации и достаточными экономическими и социальными капиталами. Например, Вероника (мигрантка из Молдовы, 30 лет, в Петербурге живет 5 лет) с мужем и двумя детьми снимают на четверых 12-метровую комнату в 11-комнатной коммуналке, где на одну ванную комнату приходится более 30 человек. При этом в рассказах о жилье мы практически не встречали жалоб на жилищные проблемы, нам охотнее разъясняли плюсы жилья или делились секретами преодоления трудностей, например, как можно организовать стирку, если в квартире нет ванны.

Мигрантский Дом *легок, он лаконичен и аскетичен*. Жилье обустроивается

минимально: вещи, привезенные из дома, ограничиваются одеждой, обстановка – хозяйской мебелью или мебелью, подобранной на помойках. Наши информантки не стремятся «обуочивать» свой дом, поскольку он рассматривается ими, прежде всего, как место для ночлега, восстановления сил после работы. Например, одна из них так рассказывает о своем режиме занятости и, соответственно, отношении к дому: «В квартире ничего нет, даже мебели. Есть где спать, и горячая вода – и хорошо. Приходим домой в 12, перекусил – и спать. А утром опять на работу...» (Тамара, мигрантка из Грузии, 52 года, продавец, в Санкт-Петербурге 11 лет, вдова, живет без семьи).

Даже несмотря на некоторую стабильность, например, проживание на одном месте в течение длительного времени, жилье практически не обустраивается. Мигрантки, приехавшие в чужую страну с целью заработать, предпочитают минимизировать все экономические издержки, в том числе и на жилье. Женщины не пытаются «укорениться», прижиться на очередной квартире, они и их семьи стараются сохранить мобильность, чтобы иметь возможность быстро перестроиться, «свернуть в коробки свою жизнь» и уехать, поменять жилье. Облегченность мигрантского быта выражается в том, что его обитатели избегают скопления в доме старых и ненужных вещей, а также покупок крупногабаритных дорогостоящих товаров (например, мебели, холодильников или стиральных машин). Исключение здесь, пожалуй, составляет лишь теле- и аудиоаппаратура. Ежевечерние просмотры телесериалов – это единственное, о чем упоминали информантки, когда мы обсуждали тему их домашнего отдыха.

Попытки привнести уют, хоть как-то обжить Дом вызваны, как правило, присутствием детей. С ними связано любое долгосрочное планирование в быту: косметический ремонт хозяйской квартиры, покупка мебели, приготовление еды на несколько дней и т.д. Дом, если и оборудуется, то для минимального удобства детей, их времяпрепровождения (игр, приготовления уроков и пр.). Рубина – мигрантка из Азербайджана – вместе со своим мужем и двумя сыновьями-школьниками живет в небольшой комнате в общежитии. За семь лет пребывания в Петербурге она приобрела единственный предмет мебели: «Мы сначала долго спали на полу, потом уже я детям диван купила за 11 тысяч [рублей]. [...] Детям же надо, чтобы было все как следует. Я и постельное белье им купила» (Рубина, около 40 лет, мигрантка из Азербайджана с 9-летним стажем, снимает комнату в общежитии, продавец, замужем, двое сыновей – 13 и 14 лет).

Домашняя обстановка мигрантского дома в буквальном смысле не становится «зеркалом идентичности». Так, все домашние вещи наших информанток были приобретены «по случаю», они предельно функциональны и не призваны «концептуально соответствовать интерьеру». Здесь практически нельзя встретить случайные предметы или «безделушки», которые могут накапливаться годами и сообщать что-либо о личности хозяев. Это безликое пространство, на первый взгляд, кажется безличностным, однако, так же как и у айеровского «транзитного пассажира», «личность», скорее, сосредоточена или выражена в безличности, она проявляется иначе, но не через домашнее пространство или паспорт (Айер 1998). Единственный идентификационный маркер в домах женщин-гастарбайтеров –

это фотографии, которые нам с удовольствием демонстрировали. И что примечательно, история, прочитываемая в фотографиях, это «история работающей женщины». В мигрантских альбомах преобладают фотографии, сделанные на рабочем месте, но не фотографии «в домашнем интерьере».

Еще одно качество мигрантского дома, согласно нашим наблюдениям, – его *относительная открытость*. Дома, где нам удалось побывать, оставляют ощущение того, что приватная жизнь выплескивается за пределы комнатной двери вовне, ей тесно там, она не вмещается в метраж комнаты. Двери распахнуты и держатся открытыми, выстиранное белье сушится на общественной территории квартиры или в коридорах общежития, праздники устраивают «для всех» на коммунальной кухне, а в городском дворе-колодце можно устроить пикник с шашлыком. Происходит нечто вроде приватизации и одомашнивания общего, публичного пространства. При этом дом также открыт и на вход – туда активно приглашают гостей. В данном случае приватная жизнь оказывается проницаемой и «просматриваемой», а то, что, казалось бы, может составить семейные тайны – раскрывается (например, окружающим могут быть известны не только семейные меню и покупки, но и внутрисемейные отношения). Очевидно, подобное отношение к приватному и публичному вызвано такими причинами, как реальная нехватка физического пространства, хабитус жителей маленьких населенных пунктов, откуда приехали наши информантки и где такое поведение вполне приемлемо, а также опыт коммунальной жизни, зачастую требующий кооперации и, соответственно, распахнутости вовне. Безусловно, открытость дома связана с чувством безопасности. Негативный опыт столкновения с властями по поводу отсутствия формального статуса или нетолерантное отношение петербуржцев закрывают Дом. Лишь в этом случае Дом становится «крепостью». Иллюстрацией открытости или, напротив, закрытости Дома может служить наш опыт быть «приглашенными в гости». Как только с информанткой устанавливались доверительные и дружеские отношения, нас активно зазывали в гости, и наше общение перемещалось из рабочих мест и кафе домой. Единственной сложностью в этом случае было «найти время», ибо график работы женщин, действительно, слишком плотный и напряженный.

Домашний досуг редко становился предметом обсуждения. Наши собеседницы, проводящие порой по 12 часов на работе, не заводят разговоров о домашнем времяпрепровождении и выходных, не употребляют таких словосочетаний, как «*побыть/посидеть дома*». Нацеленные на обеспечение своей экономической независимости и финансовую поддержку детей, они фактически исключены из приватного пространства как рачительные домохозяйки. Это пространство не столько создается, сколько потребляется ими. Оно становится значимым в качестве временной площадки для короткой передышки перед новым рабочим днем: «Очень устаю, хожу, как наркоман, ничего не вижу и не слышу. Если бы можно было побыть дома, легла бы спать» (Рубина).

Стремясь избежать экономических издержек, женщины используют любую возможность, чтобы выйти на работу, пренебрегая домашними делами, желанием

и необходимостью отдохнуть и присмотреть за детьми¹³. В дни государственных праздников – официального времени отдыха для большинства горожан – рабочий график наших информанток оказывается особенно интенсивным. Редкие выходные, совпадающие, например, с санитарными днями на рынках или в магазинах, становятся «санитарными днями» и дома, когда женщины занимаются стиркой, уборкой и приготовлением еды.

Согласно различным исследованиям, зачастую Дом конституируется особой кухней¹⁴. Однако для мигранток такая практика «домостроительства» оказывается не столь важна. Привязанность к «своей» кухне, которую исследователи этничности назвали бы этнической, первое время сохраняется. Однако постепенно привычные блюда, становясь праздничными, заменяются фастфудом, а этническая кухня становится культурным маркером, позволяющим удивить соседей, особым экзотическим ресурсом для выстраивания сетей и контактов: «Мы когда в эту квартиру только переехали, я готовила мамалыгу из кукурузы. Все соседи приходили пробовать» (Вероника, мигрантка из Молдовы). «Готовят те [соседи по квартире], кто посвободнее, питаемся вместе. Все подряд готовим. Картошку жарим, мясо жарим, на сациви у меня времени нет. Что есть, то и едим. Сначала готовили грузинскую [еду], а сейчас, когда как. Ну, грузинскую готовим, когда собираемся все» (Тамара, мигрантка из Грузии).

Сверхзанятость наших информанток заставляет их делегировать мужчинам традиционно приписываемую женщине ответственность за благоустройство быта и воспитание детей, что переворачивает «традиционный» гендерный порядок в семье. Рассказывает мигрантка из Азербайджана: «Муж не работает, сидит дома. У меня два сына, пусть этим занимается мужчина, тут мало ли что, и наркотики, и все, нельзя одних отпускать до восемнадцати лет. Муж готовит еду. Он у меня как домохозяйка (смеется)» (Рубина).

Наша информантка сама стратегически определяет, какое гендерное распределение обязанностей выбрать. Так, принимая на себя «мужскую» роль кормильца, она, тем не менее, оставляет за мужчиной обязанность дать сыновьям «правильное мужское воспитание». Будучи экономически самостоятельной, женщина критически осмысливает и подвергает сомнению этнические гендерные коды, что, в итоге, ведет к перераспределению власти в семье:

О: Вообще-то у нас [в Азербайджане] принято своих мужей бояться. Вот жена моего брата его боится.

В: А Вы боитесь?

О: Ну щас прям! Чего мне его бояться, я деньги зарабатываю. Если б хоть не зарабатывала, можно было бы сделать вид... (Рубина).

¹³ Моральной и физической заботе о своих детях наши информантки предпочитают финансовую заботу о них. Например, мигрантка из Молдовы вернулась на рынок уже через несколько месяцев после рождения второго ребенка, а ее «коллега» из Азербайджана, уходя на работу, «оставляла сыновей дома одних, им было по 6–7 лет, и они весь день плакали так, что соседи слышали, но мне надо было работать» (Рубина).

¹⁴ О конструировании и воспроизводстве значения Дома, связанного с потребляемой пищей, см., например, Eating Culture 2003; Petridou 2001; Mintz and Du Bois 2002.

Вместе с тем результаты нашего исследования показывают, что, возлагая на мужей домашние обязанности и ответственность за воспитание детей, женщины-мигрантки тем не менее вынуждены брать на себя функции контроля и менеджмента в этих сферах, а зачастую нести двойную нагрузку по материальному обеспечению семьи и обустройству быта. Например, находясь в гостях у одной из информанток, мы стали свидетелями того, как, постирав белье в автоматической машине, она попросила мужа развесить его. Тот не смог выполнить ее просьбу, так как не знал, как открыть «барабан». В результате наша знакомая вынуждена была сама развешивать белье...

Итак, концепцию мигрантского Дома можно описать через следующие характеристики: нестабильность, подвижность места жительства; минимизация, освоение от вещей и предельная функциональность обстановки; незначимость домашнего пространства для личностной идентичности. Дом – это лишь пространство для отдыха до и после работы, можно даже сказать, что такой Дом – это некая спайка, констелляция места жительства и места работы, когда дом отчасти перемещается, «прирастает» к работе, а работа, напротив, «приходит» домой, например, в виде запасов товара. Мигрантский Дом не привязан к определенному месту, и в этом смысле он диффузен и делокализован. У него нет строго очерченных границ, что делает его незамкнутым и тем самым лишает изначального, сущностного смысла. Неопределенные и подвижные границы трансформируют приватное пространство Дома в транзитное. Домашние практики «времяпрепровождения» и конституирования семьи в стенах нового дома значительно изменяются, здесь происходит переопределение гендерных ролей и перераспределение власти в домашней сфере. По сути, мигрантский дом – это новый, принципиально иной Дом, это Дом, который не «как дома». Эмоциональных переживаний, вовлеченности и привязанности он практически не вызывает.

ГОРОД, СТАВШИЙ ДОМОМ...

Как правило, мигрантки прибывают в Петербург из небольших населенных пунктов, и опыт жизни в крупном городе они приобретают уже здесь, оказавшись и без того в экстремальной ситуации миграции. Встреча с городом, освоение и присвоение нового пространства практически для всех наших информанток чаще всего начинались с будущего места работы: «Ехала в Питер наудачу, никого из знакомых не было. Приехала, сразу же отправилась на Сенной рынок, и в тот же день нашла первых хозяев-таджиков, к которым устроилась на работу. Стала работать. Неделю жила на вокзале, потом удалось снять квартиру» (Оля, мигрантка из Беларуси).

Как мы писали выше, на работе женщины проводят большую часть своей жизни. Оттого рабочее место для мигранток становится «точкой отсчета» в пространстве города, вокруг которой выстраивается и структурируется все остальное пространство. Отсюда начинается город, отсюда информантки осваивают и обживают незнакомую ранее территорию. При этом обычно обживается лишь само место работы и небольшая территория, находящаяся в непосредственной близости от него. Дальше этих пределов интересы мигранток почти не распространяются.

В середине 1990-х годов феминистские географы обратили внимание на тот факт, что женщины, как правило, для удобства выполнения функции заботы о детях и доме стараются находить работу, близкую к дому (Hondagneu-Sotelo and Avila 1997: 548–571). В нашем исследовательском случае можно наблюдать обратную логику: дом подбирается под место работы. Стратегия поиска жилья поближе к работе обусловлена желанием избежать временные и денежные затраты на любые перемещения по городу. Кроме того, сокращение маршрута «дом – работа – дом» или, вернее, «работа – дом – и снова работа» также связано с желанием снизить вероятность встречи с милицией. Практически все наши информантки, в поисках больших заработков или лучших отношений с «хозяевами» (в гораздо меньшей степени – более комфортных условий труда), регулярно и довольно легко меняют место работы, профессию и сферу занятости. Например, Гульнара (мигрантка из Узбекистана, 54 года, в Петербурге 3 года, вдова) в течение полугода была посудомойкой в кафе, продавщицей «овощной точки», уборщицей, чернорабочей на кондитерском производстве. Примечательно, что вслед за рабочим местом «переезжал» и ее Дом, ибо каждый раз она старалась найти жилье поближе к работе. Пространство близ дома не осваивается интенсивно, всю инфраструктуру, необходимую для повседневной жизни, мигрантки находят возле рабочих мест.

Освоения иных мест города практически не происходит. Досуговые места – это «пространство мечты», наши информантки мечтают сходить в театр, на концерт, на дискотеку, на массаж или даже «просто прогуляться по городу» (Тамара). Однако жизнь мигрантки диктует каждой из них иной режим, не оставляя времени и сил на отдых. Таким образом, город для женщин-гастарбайтеров – это прежде всего место работы и место жительства. А «досуговый» Петербург – это воображаемый город, город туристических буклетов и «общеизвестной информации». Так, одна из наших информанток, Вероника, с восторгом рассказывала нам об огромном количестве мостов в городе. Но это знание было приобретено еще до приезда в Петербург, и оно так и осталось «книжным знанием», ибо за пять лет пребывания в городе у нее ни разу не нашлось времени посмотреть на эти мосты. При этом доминирующий образ, имидж города для мигранток остается туристическим: «Когда домой езжу, даже стыдно, нечего рассказать. В таком городе живу, а ничего не видела, нигде не была» (Оля).

Справедливости ради следует отметить, что за последние годы в Петербурге начала формироваться мигрантская инфраструктура, например, появились «этнические» кафе и автомастерские, ориентированные в первую очередь на мигрантов. В городе проходят «узбекские концерты», «киргизские дискотеки» и прочие подобные мероприятия. Кстати, информация о таких концертах и танцевальных вечерах распространяется исключительно по социальным сетям «своих». Так, мы с удивлением наблюдали, как анонсировался концерт певицы из Узбекистана, проводившийся в Мюзик-Холле – в зале на полторы тысячи мест. Информация о концерте распространялась исключительно посредством мобильных телефонов, иных источников не было. Тем не менее, организаторам удалось собрать почти полный зал. Таким образом, сегодня уже можно наблюдать процесс формирования «досугового города» мигрантов.

Как уже отмечалось выше, город мигранток конституируется двумя значимыми объектами – работой и домом. Остальные места города практически не специфицируются. Например, одна из наших информанток, собираясь впервые за много лет пойти на концерт певицы Валерии, посетовала, что у нее нет «одежды для выхода в город» (Оля). Такое выражение, по сути, отражает представление о городе как о биполярном пространстве, где есть «работа и дом» и «все остальное», иногда обобщенно именуемое «городом».

В картине города наших информанток практически нет центра (очень редко он специфицирован единственным объектом – Невским проспектом) и периферии, нет официальных городских районов и их административных границ. Жители мегаполиса, давно освоившие город, привыкли представлять городское пространство в виде карты, активно оперируя категориями «север»–«юг» или официальными и неофициальными названиями районов города, наполняя эту карту значимыми объектами и соединяя их в единое пространство. Наши информантки структурируют город несколько иначе и делают это «вне карты», вне привычной для нас общей, единой схемы. Поэтому пространство их города первоначально представлялось нам фрагментированным и даже разорванным, не собирающимся в «общий пазл». Оно казалось дискретным прежде всего потому, что женщины достаточно редко перемещаются по городу. Наземный транспорт ими почти не освоен, кроме единичных маршрутов, необходимых для соединения мест работы и жилья. Метро используется намного активнее. При этом поездки под землей не слишком способствуют знакомству с городом, связыванию его воедино. «Оседлость» наших информанток вызвана и напряженным режимом работы, и экономией средств, ибо любые поездки воспринимаются как денежные затраты либо как вероятность столкновения с милицией.

Однако, как оказалось, для мигранток город все-таки складывается в единую картину. Легко меняя место работы и перевоза вслед за собой Дом, «собранный в коробки», женщины перемещаются по городу, постепенно осваивая и присваивая его. Связка «дом – работа» мигрирует и тиражируется по всей городской территории, наполняя прежде пустое пространство значимыми для женщин объектами. При этом их город структурирован исключительно схемой метро. Разговаривая о каких-либо местах в Петербурге, о прежней работе или о том, где живут их знакомые и родственники, наши информантки привязывали эти точки исключительно к станциям метро: «Мой отец живет на “Проспекте Ветеранов”» (Рубина), или: «Раньше я работала на “Озерках”» (Вероника). Даже если мигрантки не пользуются метро как видом транспорта, по его схеме создается единая картина города и конституируются его районы. Станции метро становятся маленькими центрами, собирающими вокруг себя пространство. В случае, если место работы или жилье находится в некотором отдалении от той или иной станции, все равно они притягиваются, приписываются ближайшей. Конечно, такого рода структурирование пространства не уникально, и многие «старожилы» прибегают к подобному способу упорядочить пространственные представления. Однако для наших информанток этот вариант

оказался единственным. Возможно, показателем интеграции мигрантов или свидетельством освоения и «одомашнивания» ими города может стать появление более сложной и насыщенной схемы структурирования городского пространства.

Тема сегрегации, сопряженности физического и социального пространств вполне «естественна», ожидаема в исследовании «города мигрантов». Однако о сегрегации Петербурга судить пока сложно. Статус районов и рынок жилья еще только формируются. И если и можно говорить о сегрегации или о формировании социально однородных пространств города, то этот процесс идет, скорее, не на уровне районов или кварталов, а на уровне домов, подъездов и этажей. Более распространенный случай – сегрегация фасадная и дворовая: квартиры с видом на улицу престижнее и дороже, чем квартиры с видом на двор (особенно двор-колодец). На примере нашего исследовательского кейса мы можем говорить лишь о тенденции к сегрегации. Как уже было отмечено, мигранты предпочитают селиться ближе к своим рабочим местам. Зачастую они кооперируются и снимают дешевые комнаты и квартиры в наименее дорогих и престижных домах, то есть там, где не произведен капитальный ремонт и не расселены коммуналки. Согласно нашим наблюдениям, такие места становятся «своими» отнюдь не в связи с этнической солидарностью или поделенным опытом «быть мигрантом». Скорее, в ближайшее время можно будет говорить об определенной классовой консолидации. При этом эмоциональной привязанности к месту мы не обнаружили. Женщины легко и без сожаления готовы менять свое местожительство в случае «успешной карьеры», если удастся найти более стабильную и денежную работу и, соответственно, более комфортное жилье.

Практически все наши информантки рассказывали, что чувствуют себя в Петербурге достаточно комфортно. Александр Бикбов писал, что «по прибытии в другой город, вернее, при размещении в иначе упорядоченном пространстве, возникает множество поводов для удивления, восторга или шока» (Бикбов 2002: 3). Однако ни одна из наших собеседниц, приехавших из маленьких населенных пунктов, не упоминала о подобных переживаниях. Мигрантки отрицают и чувство страха перед большим неизвестным городом. Во-первых, город в их восприятии оказывается не таким уж большим:

В: Вы к городу долго привыкали, когда приехали?

О: А чего мне к нему привыкать? Я как приехала, сразу работу нашла, и там же жилье. Я по нему и не езжу (Рубина).

Во-вторых, переезд в Россию не воспринимается женщинами как переезд в другое государство и как смена гражданства. Петербург отнюдь не считается заграничным, а Россия – это «не Италия и не Турция», где работают родственники и знакомые наших информанток: «Хоть Союз и развалился, но все равно здесь чувствуешь себя как дома. Я тут ничего не боюсь и могу ходить хоть в два часа ночи» (Тамара).

Лишь однажды нам рассказали о страхе перед городом. Страх этот был вызван опасениями не за себя, но за детей и связан с ростом ксенофобии в Пе-

тербурге, доступностью наркотиков и общей криминальной ситуацией в городе (Рубина). Мы склонны расценивать этот страх не как фобию города, но как общее беспокойство за благополучие и безопасность детей.

Итак, город как локализованное место практик так или иначе становится для женщин-гастарбайтеров Домом, ибо это обжитое и безопасное, «свое» пространство. При кажущейся локализации и ограниченности жизни мигранткам свойственна легкость перемещения по городу, они меняют место работы и жительства, не привязываясь лишь к одному кварталу или району. Их представления о пространстве города прекрасно вписываются в концепцию современного мегаполиса, который

не имеет завершения, у него нет центра, нет четко закрепленных частей... Он, скорее, представляет собой сплав зачастую рассогласованных процессов и социальной гетерогенности, местом взаимосвязи близкого и далекого, последовательностью ритмов; он всегда растекается в новых направлениях (Амин и Трифт 2002: 2).

«ДОМ, ОСТАВШИЙСЯ ДОМА»: БЫВШИЙ И НЕРЕАЛЬНЫЙ

Если отталкиваться от идеи Дома как «своего» пространства, где локализуются ежедневные рутинные практики, или от идеи Дома Гастона Башляра, согласно которому «всякое по-настоящему обитаемое пространство несет на себе сущность понятия дома» (Башляр 2002), прежний дом – место, откуда приехали наши информантки – меньше всего можно назвать таковым. Тем не менее, *«дом, оставшийся дома»* действительно актуален для них. Довольно часто в наших беседах женщины обращались к предыдущему опыту, вспоминали о том, каким дом был на родине и что там происходит сейчас. При этом кажущаяся нелепой фраза про *«дом дома»* оказалась одной из самых востребованных. Помимо этого выражения, наши информантки без конца изобретали и предлагали к использованию и другие номинации, в частности, *«бывший дом»* или *«дом, который там»*, обозначая тем самым отдаленность такого дома в пространственном и временном континууме, а также сложность и множественность самой концепции Дома. Отсутствие конвенциональной и усвоенной номинации свидетельствует о том, что представление о Доме, его концепция еще формируется и формулируется. Справедливости ради следует заметить, что выражение *«настоящий дом»* не использовалось вовсе, что фактически «уравнивает» множественные Дома мигранта в статусе. Итак, далее мы опишем, в какие «отношения» вступают мигрантки с *«домом дома»*, и попытаемся реконструировать их представления о «бывшем» и «далеком» доме.

РАЗРЫВ...

Миграция наших информанток была вызвана, прежде всего, экономическими причинами. Они уезжали с целью заработать и финансово поддержать свою се-

мью – детей, мужа, родителей, реже – сестер и братьев¹⁵. Изначально социальные связи и сети мигранток с домом, с семьей очень сильны, контакты интенсивны и насыщены: женщины часто звонят, пишут письма, регулярно пересылают или передают деньги и при малейшей возможности навещают родных. По мере увеличения «стажа миграции» эти связи ослабевают. Ситуация миграции и отдаленность людей, с которыми жили раньше, заставляет переопределить границы ответственности. Как только появляется возможность (при наличии стабильной работы и жилья), женщины забирают детей в Петербург. При этом моральные и экономические обязательства перед другими родственниками значительно сокращаются либо снимаются вообще. Зачастую ответственность за родственников редуцируется лишь до ответственности за детей:

Я не понимаю, почему я должна платить за квартиру, в которой не живу. Да, там живет старая мать. Но у нее еще есть дети, кроме меня. Пусть теперь они ей помогают! Должна же я хоть для себя пожить (Оля).

А что я этому кабану [мужу] должна?! Он ничего не делает, а я тут надрываюсь и должна еще его кормить?! У меня дети у родителей живут, вот о них мне надо думать (Ася, мигрантка из Кыргызстана, 37 лет, работает уборщицей, в Петербурге 3 года, живет одна).

Согласно рассказам информанток, они сами выступают инициаторами контактов с родственниками. Очевидно, обратная связь несколько затруднена большой мобильностью женщин, например, частой сменой места жительства, в то время как контактный адрес и номер телефона на месте изначального проживания более постоянные. Таким образом, именно мигрантки выступают в качестве ключевых контактных персон, и в их силах определять форму и регулярность таких отношений, инициировать или разрывать контакты. Связь с «домом», как правило, поддерживается по телефону, так как это наиболее доступный и моментальный способ мониторинга, контроля над ситуацией: «Каждый вечер домой звоню. Услышишь, что дома спят [дети], значит, все в порядке» (Тамара).

За исключением экстренных ситуаций, таких как, скажем, смерть близких людей, поездки на родину чрезвычайно редки. Как правило, они случаются не чаще раза в год–два и не больше, чем на одну или две недели. Поездки домой связаны не только и даже не столько со встречами с родными, сколько с отдыхом. Например, Поля (мигрантка из Украины с 10-летним стажем, 35 лет, продавщица, разведена, двое детей) отвозит туда детей на каникулы. По ее признанию, она бы не ездила на родину вовсе, но «детям как-то надо же отдохнуть». Таким образом, место исходящей миграции постепенно приобретает значение рекреационной зоны, которое, впрочем, тоже имеет тенденцию к исчезновению:

¹⁵ Для молодых женщин без семьи возможной причиной миграции может служить также желание реализации индивидуальных (несемейных) интересов. Как правило, в этом случае миграция с самого начала носит уже не маятниковый, но постоянный характер. Однако данные случаи в исследовании не рассматривались.

Езжу домой летом на две недели отдохнуть, но я тут же со скуки там умираю! Так что делать там нечего. В следующем году, если с деньгами и визой получится, поеду с подругой в Болгарию (Оля).

Таким образом, в ситуации продолжительной миграции социальные сети и связи с отправляющим сообществом значительно ослабевают или даже разрываются, переопределяются границы ответственности перед родственниками, зачастую забота о семье редуцируется до заботы о детях.

...И СВЯЗИ

Несмотря на определенное дистанцирование и ослабевание связей с «бывшим домом», можно говорить о существовании эмоциональной привязанности, которая проявляется либо в форме ностальгических воспоминаний, либо утопических планов на будущее. Женщины в наших с ними разговорах не часто, но иногда с сожалением вспоминали прошлое, их жизнь до миграции. Например, Вероника с легкой грустью рассказывала нам о том, что скучает по своему деревенскому дому, а Гульнара с удовольствием и «вкусно» описывала цвет обоев, люстру и стенку в «доме, оставшемся дома». Ностальгические оттенки таких нарративов, на наш взгляд, вызваны, скорее, тоской по прошлой, прежде всего стабильной жизни, но отнюдь не по самому месту, где женщина проживала ранее, ибо теплые воспоминания, как правило, заканчиваются упоминанием о нынешнем запустении и даже разрухе прежнего Дома.

Вторая форма эмоциональной связи, привязанности к Дому, «который там», существует как «миф о возвращении». Практически все наши информантки говорили с изрядной долей сомнения и неопределенности о возможном возвращении «домой»: «когда-нибудь», «потом», «когда заработаю побольше денег». Мы полагаем, что этот «миф о возвращении» нужен лишь для того, чтобы оставить себе потенциальную возможность, некую альтернативу сегодняшней жизни. Тема возвращения важна, скорее, лишь как идея, но не как жизненный проект, на который будут работать и изыскивать ресурсы.

Гораздо чаще, чем ностальгические переживания, рассказы о «прежнем доме» выстраиваются в алармистских категориях: там полная разруха, нет работы или же скучно и нечего делать. Для мигранток подобное представление Дома, «который дома», чрезвычайно важно для формулирования «себя сегодняшней». Место исхода становится важнейшей точкой референции и оказывается пунктом отправления в собственной карьере, это место подтверждения собственной успешности. В нарративах о первоначальном месте проживания через сравнение «вчера» и «сегодня» происходит дистанцирование, разрыв с отправляющим сообществом, и устанавливается более тесная связь с сообществом принимающим. Как бы сложно не было в Петербурге, возвращение домой переживается нашими информантками в первую очередь как проигрыш.

Итак, наши исследования свидетельствуют о постепенном отрыве мигранток от прежнего места жительства и даже о разрыве с ним. Место исхода более важно как точка отсчета – через символический «отказ от дома» формулируются актуальные идентичности. Пожалуй, в данном случае происходит замена утопии «дома,

милого дома», расположенного где-то «там», фукианской гетеротопией (Фуко 2006). Вариация гетеротопии «бывший дом» представляет собой особое локализованное пространство или «контрместоположение», функция которого – быть противопоставленным остальному, «нормальному» пространству, с тем чтобы это «нормальное» пространство могло быть сформировано и нормализовано. В этом случае можно предположить, что возвращение к утопии – вопрос времени. Ностальгия появится и проявится тогда, когда процессы интеграции для наших информанток будут уже не столь болезненными и трудными или когда востребуются идентичности, основанные на ценности инаковости. Именно тогда «дом» может быть обнаружен в абстрактном идеале, стремлении к ностальгическому прошлому или утопическому будущему» (Al-Ali at al. 2002: 7). При этом факт называния места исхода Домом, куда нет желания и намерения вернуться, во всяком случае, в ближайшие годы, на наш взгляд, демонстрирует саму идею Дома как прошлого, минувшего, ставшего уже далеким и не столь реальным...

«ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ» ДЛЯ МИГРАНТКИ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО СУБЪЕКТА (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Концепция Дома как приватного пространства для женщин в ситуации миграции перестает быть актуальной. Его приватность добровольно «взламывается», от нее отказываются с целью интеграции и экономической эффективности. Дом мигранта отнюдь не синонимичен стабильности, безопасности и комфорту; главные его достоинства – близость к работе и дешевизна. Этот Дом существует не для возвращения, но для выхода из него, ибо там не «проводят время», не задерживаются после рождения детей и прочих событий. Мигрантки, по сути, и не пытаются выстроить Дом в традиционном его понимании, ибо традиционные практики обустройства и обживания своего приватного пространства для них не актуальны.

Дом мигранток не укоренен, он мобилен и подвижен, как и они сами. Их Дом делокализован, он повсюду и нигде конкретно. Фактически он существует «в коробках» или, точнее говоря, в клетчатых челночных сумках, ибо легко сворачивается и помещается туда, с тем чтобы на время развернуться на новом месте. Такой Дом множественен в том смысле, что производится через создание множества «своих мест», в которых мигрантка существует *как дома*. В связи с этим в нашем исследовании мы отмечаем своего рода переход от практики проживания (dwelling) к практике «строительства» (housing) «своих мест» в городе, свидетельство чему – бурный рост мигрантской инфраструктуры.

Дом мигранток фактически не связан с долгосрочными жизненными перспективами и проектами. Мы не наблюдали их глубоких эмоциональных привязанностей к дому; идентификации с Домом как «своим местом», как правило, у мигранток не формируется, ибо они пытаются отказаться от любых сковывающих рамок и привязанностей.

При этом мигрантский Дом все же существует. Просто он иной и значительно отличается от более привычного и понятного нам Дома. В этой связи теперь пред-

ставляется нелепым и неуместным почти риторический вопрос, который мы задавали друг другу после каждого визита к нашим информанткам – как можно здесь жить?! Во-первых, здесь *не живут* и, во-вторых, живут *не здесь*... Дом мигранток «всегда с ними», но не столько в челночных сумках, сколько в идеях, ибо

в мире путешественников, трудовых мигрантов, беженцев и пассажиров дом начинают находить в рутинном наборе практик, повторении привычных интеракций, в стилях одежды и обхождения, в воспоминаниях и мифах, в историях, которые крутятся в голове. Коротко говоря, сегодня люди гораздо больше дома в словах, шутках, мнениях, жестах, действиях, даже манере носить шляпу (Berger 1984: 64, цит. по: Rapport and Dawson 1998a: 7).

С изменением практик, а также слов, шуток, мнений и так далее, изменяется и Дом. В этом смысле наиболее стабильным Домом является язык, так как «на более глубоком уровне... мой язык – это дом, который я, как улитка, ношу с собой» (Айер 1998: 5).

С точки зрения исследователей современного общества индивидов, гибкое восприятие пространства и места обесценивает «дом-крепость представителя среднего класса», а «мобильность и неподвижность активно противопоставляются» (Бауман 2002: 44), причем, если последняя становится «главным мерилom социального бесправия и несвободы» (там же: 49), то первая – свойством привилегированности. Умение гибко перестраивать и изменять жизнь, отказ от длительной приверженности вещам, создание подвижных социальных связей и солидарностей, мобильность и легкость в изобретении правил взаимодействия – все это мегафакторы современной социальной стратификации, где на вершине пирамиды те, кто «строит» свой дом именно по этим принципам.

Все эти виды активности исследователи приписывают привилегированным классам, профессиональным и политическим элитам, представители которых оснащены ноутбуками, быстрым и повсеместным доступом в Интернет, разнообразными средствами передвижения и значительными финансовыми ресурсами, позволяющими «девальвировать» место, «играть» с пространством и со временем, обладать «свободой к перемене мест». Мигранты же, напротив, виктимизируются. Как правило, им приписывается роль «мечущихся в поисках места, где они могли бы выжить» (там же: 49). Наше исследование показывает, что для мигранток не в меньшей степени характерны «непривязанность» к вещам и местам, способность жить «в условиях неустроенности» и непредсказуемости, «позиционировать себя в переплетении возможностей, а не оставаться парализованными одной жизненной специальностью» (там же: 49–50). Конечно, мигрантки не обладают той степенью свободы, которая позволяет «жить исключительно во времени». Однако нельзя и однозначно сказать, что они живут «исключительно в пространстве», ибо мигрантки отнюдь не привязаны к нему.

В биографиях исследуемых нами женщин прочитываются сценарии индивидуализации – освобождение от определенных социальных форм и стабильностей, характерных для общества модерна. Мигрантки пересматривают и переоценивают «традиционные» институты семьи и брака, образуя «договорную семью на время», члены которой вступают в целевой союз, а затем за ненужностью расторга-

ют его. Нашим информанкам также, по сути, удается «освобождение от профессии и предприятия», децентрализации «места работы с целью заработка» (Бек 2000: 190–191). Нам представляется примечательным, что их освобождение становится возможным через отказ от «своей комнаты», о необходимости которой писала Вирджиния Вульф в 1929 году, ибо в современных условиях жизнь мигранта «дает немислимое ранее чувство свободы и мобильности: мы не привязаны ни к какому месту, можем выбирать любое» (Айер 1998: 2). Гибкое переосмысление привязанностей, перемена мест, открытость новым экономическим и социальным возможностям характеризуют поведение постмодернистских субъектов, коими являются и трудовые мигрантки. И этот постмодернистский биографический сценарий «независимой женщины» оказывается возможным для них именно в ситуации миграции – ситуации, казалось бы, социально уязвимой, дефицитной в плане ресурсов и непредсказуемой. Таким образом, на наш взгляд, мигрантка – неожиданный, но яркий пример постмодернистского номадического субъекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айер, Пико. 1998. Жизнь транзитного пассажира // *Русский журнал*. 13 ноября. www.old.russ.ru/journal/personss/98-11-13/iyer.htm. Дата обращения: 29.12.2010.
- Амин, Эш и Найджел Трифт. 2002. Внятность повседневного города // *Логос*. № 3(34). <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf>. Дата обращения: 12.12.2010.
- Андреева, Татьяна. 2009. Ремонт как строительство нового быта: демонстративное потребление и экономия ресурсов // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности* / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 262–286.
- Бауман, Зигмунд. 2002 (2001). *Индивидуализированное общество* / Пер. с англ. под ред. Владислава Иноземцева. М.: Логос.
- Башляр, Гастон. 2002. Дом от погреба до чердака: Смысл жилища // *Логос*. № 3(34). www.ruthenia.ru/logos/number/34/09.pdf. Дата обращения: 12.12.2010.
- Бек, Ульрих. 2000 (1986). *Общество риска. На пути к другому модерну* / Пер. с нем. Владимира Седельника и Нины Федоровой. М.: Прогресс-традиция.
- Бикбов, Александр. 2002. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // *Логос*. № 3(34). <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/11.pdf>. Дата обращения: 29.12.2010.
- Бредникова, Ольга и Олег Паченков. 2002. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // *Экономическая социология*. Т. 3. № 2. С. 74–81.
- Бредникова, Ольга и Елена Чикадзе. 2010. Трудовые мигранты из Средней Азии: проблемы и риски здоровья (в т. ч. ВИЧ-инфекции и др. ИППП) // Семинар Датской церковной помощи в мае 2010 в Санкт-Петербурге. Неопубликованный доклад.
- Бритвина, Ирина и Марина Киблицкая. 2004. *Жизнь мигрантки в монограде*. М.: ООО «Книгодел».
- Бурдьё, Пьер. 2001 (1980). Дом, или Перевернутый мир // Пьер Бурдьё. *Практический смысл* / Пер. с фр. под ред. Натальи Шматко. СПб.: Алтейя. С. 221–231.
- Гладарев, Борис и Жанна Цинман. 2009. Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности* / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 189–221.
- Ткач, Ольга. 2009. Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности* / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 137–188.
- Тюрюканова, Елена и Марина Малышева. 2001. *Женщина. Миграция. Государство*. М.: Academia.

- Улинг, Грета Линн. 2007. С думой о родине: крымские татары и турки-месхетинцы // *Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция* / Под ред. Тома Триера и Андрея Ханжина. СПб.: Алетейя. С. 420–436.
- Фуко, Мишель. 2006 (1980). Другие пространства // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. В 3 ч. Ч. 3 / Пер. с фр. Станислава Офертаса под общей ред. Виктора Визгина и Бориса Скуратова. М.: Праксис. С. 191–204.
- Шпаковская, Лариса. 2009. «Мой дом – моя крепость». Обустройство жилья нового среднего класса // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности* / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 222–261.
- Al-Ali, Nadjé, and Khalid Koser. 2002. "Transnationalism, International Migration and Home." Pp. 1–14 in: *New Approaches to Migration? Transnational Communities and the Transformation of Home*. Edited by Nadjé Al-Ali, and Khalid Koser. London and New York: Routledge.
- Armbruster, Heidi. 2002. "Homes in Crisis. Syrian Orthodox Christians in Turkey and Germany." Pp. 17–33 in: *New Approaches to Migration? Transnational Communities and the Transformation of Home*. Edited by Nadjé Al-Ali, and Khalid Koser. London and New York: Routledge.
- Berger, John. 1984. *And Our Faces, My Heart, Brief as Photos*. London: Writers and Readers.
- Berger, Peter L., Brigitte Berger, and Kellner Hansfried. 1973. *The Homeless Mind: Modernization and Conscienteness*. New York: Random House.
- Bloch, Maurice. 1971. *Placing the Dead: Tombs, Ancestral Villages, and Kinship Organization in Madagascar*. London and New York: Seminar Press.
- Blunt, Alison, and Robyn Dowling. 2006. *Home*. London and New York: Routledge.
- Braidotti, Rosi. 1994. *Nomadic Subject: Embodiment and Sexual Differences in Contemporary Feminist Theory*. New York: Columbia University Press.
- Brednikova, Olga, and Oleg Pachenkov. 2002. "Migrants-'Caucasians' in St. Petersburg: Life in Tension." *Anthropology & Archeology of Eurasia* 41(2):43–89.
- Churchman, Arza, and Gans Herbert. 2000. "The Dilemma of Public Housing in a Multi-Ethnic Society." Pp. 143–151 in: *Ethnicity and Housing. Accommodating Differences*. Edited by Frederick Boal. Aldershot: Ashgate.
- Cieraad, Irene. 1999. *At Home: An Anthropology of Domestic Space (Space, Place, and Society)*. Syracuse: Syracuse University Press.
- Cuba, Lee, and David Hummon. 1993. "Constructing a Sense of Home: Place Affiliation and Migration across the Life Cycle." *Sociological Forum* 8(4):547–572.
- Eating Culture. The Poetics and Politics of Food*. 2003. Edited by Tobias Döring, Markus Heide, and Susanne Mühleisen. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Fortier, Anne-Marie. 2000. *Migrant Belongings. Memory, Space, Identity*. Oxford and New York: Berg.
- Glick Schiller, Nina, Linda Basch, and Cristina Blanc-Szanton (Eds.). 1992. *Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York, N.Y.: New York Academy of Sciences. (Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 645).
- Glick-Schiller, Nina, Linda Basch, and Cristina Blanc-Szanton. 1999. "From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration." Pp. 73–105 in: *Migration and Transnational Social Spaces*. Edited by Ludger Pries. Aldershot: Ashgate.
- Heasman, Kathleen. 1978. *Home, Family and Community: Social and Human Aspects of Home Economics*. London: George Allen and Unwin.
- Heckman, David. 2008. *A Small World: Smart Houses and the Dream of the Perfect Day*. Durham and London: Duke University Press.
- Hepworth, Mike. 1999. "Privacy, Security and Respectability: The Ideal Victorian Home." Pp. 17–29 in: *Ideal Homes? Social Change and Domestic Life*. Edited by Tony Chapman, and Jenny Hockey. London and New York: Routledge.
- Home Possessions. Material Culture behind Closed Doors*. 2001. Edited by Daniel Miller. Oxford and New York: Berg Publishers.

- Hondagneu-Sotelo, Pierrette, and Avila Ernestine. 1997. "'I'm Here, but I'm There': The Meanings of Transnational Motherhood." *Gender and Society* 11(5):548–571.
- Langhamer, Claire. 2005. "The Meanings of Home in Postwar Britain." *Journal of Contemporary History*. 40(2):341–362.
- Lévi-Strauss, Claude. 1983. *The Way of the Masks*. London: Jonathan Cape.
- Marcus, Clare Cooper. 1995. *House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home*. Berkeley, CA: Conari Press.
- Melly, Caroline. 2010. "Inside-Out Houses: Urban Belonging and Imagined Futures in Dakar, Senegal." *Comparative Studies in Society and History* 52(1):37–65.
- Mintz, Sidney W., and Christine M. Du Bois. 2002. "The Anthropology of Food and Eating." *Annual Review of Anthropology* 31:99–119.
- Moch, Leslie Page. 2005. "Gender and Migration Research." Pp. 95–110 in: *International Migration Research: Constructions, Omissions, and the Promises of Interdisciplinarity*. Edited by Michael Bommers and Ewa Morawska. Aldershot: Ashgate.
- Morawska, Ewa. 2005. "The Sociology and History of Immigration: Reflections of a Practitioner." Pp. 203–239 in: *International Migration Research: Constructions, Omissions, and the Promises of Interdisciplinarity*. Edited by Michael Bommers, and Ewa Morawska. Aldershot: Ashgate.
- Olwig, Karen. 1998. "Epilogue: Contested Homes: Home-Making and the Making of Anthropology." Pp. 225–236 in: *Migrants of Identity. Perceptions of Home in a World of Movement*. Edited by Nigel Rapport and Andrew Dawson. Oxford and New York: Berg.
- Petridou, Elia. 2001. "The Taste of Home." Pp. 87–106 in: *Home Possessions. Material Culture behind Closed Doors*. Edited by Daniel Miller. Oxford and New York: Berg.
- Pries, Ludger. 1999. "New Migration in Transnational Spaces." Pp. 1–35 in: *Migration in Transnational Social Spaces*. Edited by Ludger Pries. Aldershot: Ashgate.
- Rapport, Nigel, and Andrew Dawson. 1998a. "The Topic and the Book." Pp. 3–17 in: *Migrants of Identity: Perceptions of Home in a World of Movement*. Edited by Nigel Rapport and Andrew Dawson. Oxford: Berg.
- Rapport, Nigel, and Andrew Dawson. 1998b. "Home and Movement: A Polemic." Pp. 18–38 in: *Migrants of Identity: Perceptions of Home in a World of Movement*. Edited by Nigel Rapport and Andrew Dawson. Oxford: Berg.
- Rybakovsky, Leonid, and Sergey Ryazantsev. 2005. "International Migration into Russian Federation." *United Nations Expert Group Meeting on International Migration and Development*. New York. 6–8 July. http://www.un.org/esa/population/meetings/ittmigdev2005/P11_Rybakovsky&Ryazantsev.pdf. Дата обращения: 29.12.2010.
- Salih, Ruba. 2003. *Gender in Transnationalism. Home, Longing and Belonging among Moroccan Migrant Women*. London and New York: Routledge.
- Skrbis, Zlatko. 1999. *Long-Distance Nationalism: Diasporas, Homelands and Identities*. Aldershot; Brookfield, VT: Ashgate Publishing Company.
- The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*. 2002. Edited by Deborah Fahy Bryceson, and Ulla Vuorela. Oxford and New York: Berg.
- Urry, John. 1995. *Consuming Places*. London and New York: Routledge.
- Waldinger, Roger. 1986. "Immigrant Enterprise: A Critique and Reformulation." *Theory and Society* 15(1–2):299–285.